

МИРЧА ЭЛИАДЕ

САЛАЗАР

И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ПОРТУГАЛИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 321.65
ББК 63.3(4)
Э45

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с румынского — Юлия Горноскуль

Элиаде, М.

Э45 Салазар и национальная революция в Португалии. — М.: Тотенбург, 2024. — 270 с.

«Лузитанский» период жизни всемирно известного религиоведа Мирчи Элиаде продлился с 1941 по 1945 г., когда в качестве секретаря культуры в Лиссабоне он налаживал португальско-румынские связи. Застав в Португалии один из переломных моментов века, Элиаде вживую наблюдал за тем, как правительство сочетает внутренний курс с внешней политикой в условиях мировой войны, общался с интеллектуальной элитой и активно интересовался лузитанским наследием. В результате было написано несколько книг, среди которых — «Салазар и национальная революция в Португалии». Это живое свидетельство начала эпохи «Нового государства» и того хаоса, что ей предшествовал. С присущим ему писательским талантом Мирча Элиаде делает обзор португальской истории XIX–XX вв., представляя читателю колоритную картину ее падения в «анархо-демократическую» бездну и последующего возрождения при вмешательстве Антониу де Оливейры Салазара.

УДК 321.65
ББК 63.3(4)

© Юлия Горноскуль,
румынского, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	4
I. ПОРТУГАЛИЯ В XIX ВЕКЕ	10
II. УЧЕНЫЕ И РЕВОЛЮЦИЯ	32
III. МЕЖПАРТИЙНАЯ БОРЬБА	44
IV. РЕГИЦИД И УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ	62
V. VALBURDIA SANGUINOLENTE	74
VI. ДИКТАТУРА СИДОНИУ ПАИША	92
VII. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	112
VIII. САЛАЗАР — ОТ САНТА-КОМБЫ ДО КОИМБРЫ	126
IX. САЛАЗАР — СТУДЕНТ И ПРОФЕССОР КОИМБРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	140
X. ОДИН ДЕНЬ В ПАРЛАМЕНТЕ	157
XI. РЕВОЛЮЦИЯ 28 МАЯ 1926 ГОДА	177
XII. ФИНАНСОВАЯ ДИКТАТУРА САЛАЗАРА	198
XIII. ДУХОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	216
XIV. САЛАЗАРИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО	237
XV. ПОЛВЕКА СПУСТЯ	249
БИБЛИОГРАФИЯ	258

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга по политической истории принадлежит перу человека, который, собственно говоря, не занимается ни историей, ни политикой. Я написал ее, размышляя над вопросом, которым задаюсь уже десять лет подряд: возможна ли духовная революция? Возможна ли в нашей исторической реальности такая революция, которую совершили бы люди, верящие прежде всего в примат духа? Сегодняшняя Португалия, Португалия Салазара — вероятно, единственная страна в мире, которая попыталась ответить на подобные вопросы. Изучение современной португальской истории тем более важно, поскольку ее политический опыт, начавшийся с первых либеральных конституций и гражданских войн первой половины XIX века, на сегодняшний день представляется законченным. Вернув Португалию на предначертанный ей судьбой исторический путь, Салазар завершил ее драматический цикл, исполненный всевозможными веяниями и идеологическими конфликтами XIX века. На этот цикл пришлось созревание революции и провозглашение республики, борьба между партиями, политическая анархия и, наконец, контрреволюция 28 мая 1926 года. Салазар завершил этот цикл и начал новый, ориентируясь на совершенно другие принципы и опираясь на иную традицию. Политическая и нравственная революция Салазара увенчалась успехом: лучшим доказательством тому является мир и продуктивность современной Португалии по сравнению с хаосом прошлого режима. Кто не помнит припев *Encore une révolution en Portugal!*¹, который около двадцати лет назад звучал в конце знаменитой парижской песни?..

---

¹ «В Португалии вновь революция!» (фр.) — Здесь и далее примечания переводчика.

Современная история Португалии интересна мне и по другой причине. Как им удалось реализовать христианскую форму тоталитаризма, при которой государство не покушается на жизни своих граждан, а человеческая личность (личность, а не индивид) сохраняет все свои естественные права? Столько всего уже сказано и написано о функции и границах свободы, однако раннехристианская формулировка представляется мне самой меткой и верной. «Люби — и делай, что хочешь», — говорил Блаженный Августин. Но прежде всего — люби. Любовь сообщает человеку состояние благодати, которая усыпляет звериные инстинкты. Милосердие очищает душу, и очищенный им человек может вольно располагать всеми своими свободами, не нарушая спокойствия своих братьев и не угрожая обществу. Свобода, которую предваряет и питает милосердие, представляет оптимальную среду для совершенствования человека. Но как далека эта христианская свобода в любви от максимы Рабле *fais ce que tu voudras*², которой бредило столько мечтателей-доктринеров XVIII века!..

Тоталитарное христианское государство Салазара зиждется прежде всего на любви. Пусть это заявление покажется специалистам безответственным возгласом дилетанта! Но я всего лишь утрирую основные элементы революции и реформы, предпринятые Салазаром. Ведь что значит замена индивида («гражданина») семьей, неделимым ядром нации, и возвращение к корпорациям, которые рассматриваются как органическое общество? Что значит фраза: «Не будем обсуждать нацию... сын никогда не захочет быть ребенком другой матери»?.. Все это не что иное, как разновидности одной и той же органической общности любви: любви, которая созидает, объединяет и наделяет семью ценно-

---

² «Делай, что хочешь!» (фр.)

стью. Это органическая неделимая общность — а потому она единственная может пользоваться политическими правами. Она возникает только в акте любви со всеми вытекающими: смирением, жертвенностью, отречением, созиданием. Вся социальная и государственная концепция Салазара основывается на семье и, следовательно, на любви. Корпорации, муниципалитеты и нация — это всего лишь тщательно продуманные формы одной и той же португальской семьи. Под «единой нацией» португальский диктатор подразумевает общность любви и общность судьбы — термины, которые в точности определяют семью.

В свете этих уточнений можно понять, какое чудо сотворил Салазар: тоталитарное христианское государство, построенное не на абстракциях, а на живых реальностях его народа, его традиций. Это творение тем более необычно, поскольку оно было создано на излете яростно антитрадиционной и антихристианской политической эволюции с ее страстной тягой к «европеизации». Целые поколения молодых португальцев, одни из благих побуждений, другие просто из снобизма или душевной черствости, хотели изъять Португалию из ее традиционного лона и превратить в «европейскую страну». Об усилиях этих людей и их результатах я рассказываю в данной книге. Когда республиканская демократическая Португалия стремилась «вступить» в Европу, а нищета нравов и управленческий хаос в стране достигали невероятных масштабов, в европейских столицах ее название звучало лишь в уличных распевах — и только. На протяжении ста лет Португалия боролась за то, чтобы стать европейской страной, заимствуя идеи то у правых, то у левых, в особенности подражая Парижу, и немало крови пролилось за то, чтобы покончить с «призраком реакции»,

то есть с традицией, монархией и христианством. А когда великодушные идеи наконец восторжествовали и Португалия стала такой же страной, как и другие европейские страны (по крайней мере, по Конституции), то единственной наградой за все жертвы стал припев *Encore une revolution en Portugal!*

Европа не считалась с Португалией до того момента, пока та снова не стала самой собой. Просто поразительно, каким престижем в Европе теперь пользуется эта маленькая атлантическая страна, если мы вспомним о ситуации в Португалии двадцатилетней давности. Создается впечатление, что должным образом «Европу» могут ассимилировать только элиты; вернее, лишь немногие личности могут позволить себе усвоить гений одной или нескольких европейских культур, не теряя при этом своей идентичности и продолжая творить в духе своего народа. (Всем хорошо известно, что значил испанский гений для Корнеля, итальянский — для Ронсара или Са де Миранды, английский — для Вольтера и романтиков, греко-латинский — для Гете, а немецкий — для англосаксонских романтиков.) Но когда народы в целом пытаются (или вынуждены) подражать той или иной из европейских стран, заимствуя системы мышления и правления, тогда они либо терпят крах, либо получают гибридные, хилые плоды — несуразицу, которая свидетельствует об их собственной бесплодности и о кончине «Европы».

На мой взгляд, я недалеко ушел от проблематики нашего народа и нашего времени, начав писать эту книгу, речь в которой идет о недавней истории страны на другом полюсе латинского мира. Восемь лет назад, обращаясь к португальской молодежи, Салазар сказал: «Времена становятся все труднее... Говорю вам: вы — поколение, приносимое в жертву, поколение, которое

должно послужить искуплению...» Тяжкое бремя нынешних дней, когда в основном собой жертвует именно молодежь, искупая ошибки благонамеренных поколений, по-прежнему сводится к проблеме восстановления или исчезновения Европы. Той самой Европы, что считается только с теми странами, которые не предадут свою судьбу и не замалчивают свою историю. Салазар пытался спасти Португалию средствами христианской революции, то есть революции, которая всегда начинается с малых дел, а заканчивается, соответственно, реинтеграцией человека в органические единства и космические ритмы. Он пытался — и у него это получилось. Этот исторический опыт заставляет нас — как христиан, как латинян и как европейцев — пересмотреть целый ряд понятий: традиция, нация, свобода и т. д.

В основу этой книги легла достоверная и, насколько это было возможно, полная информация. Я привожу в основном факты, и не только те, которые кажутся мне наиболее значимыми (хотя именно так поступает большинство историков, пусть даже они этого не признают). Чтобы сделать книгу более понятной и доступной, я отказался от научного аппарата и ограничился тем, что привел в конце библиографию по каждой главе. Возможно, позднее, если понадобится, я выпущу и расширенное научное издание.

Если бы я смог вовремя воспользоваться замечательным трудом «Португальская революция» за авторством профессора Хесуса Пабона (Мадрид, 1941), то в этой книге было бы гораздо меньше упущений. К сожалению, на момент, когда вышла монография Пабона, первые главы уже были отредактированы.

Я выражаю свою благодарность руководству Секретариата Национальной Пропаганды города Лиссабона, которое предоставило мне большое количест-

во недоступных материалов, а также господам Антониу Ферру, доктору Таварешу д'Алмейде, доктору Мануэлу Муриашу, доктору Силве Диашу, Педру Коррейе Маркешу, Жуану Амеалу и Эдуарду Фрейташу де Коште: они снабдили меня публикациями, документами и информацией личного характера, тем самым облегчив мне редактуру.

Также я хотел бы поблагодарить господина министра Виктора Кэдере, который прочитал эту работу в рукописи и предложил ряд правок, значительно улучшив текст.

*М. Элиаде,
Лиссабон, май 1942 г.*

I. ПОРТУГАЛИЯ В XIX ВЕКЕ

Начиная со времен наполеоновского вторжения, Португалия более не знала покоя. Длительная гражданская война, которая выплескивалась то в многолетние жестокие и изнурительные кампании, то в убийства, гонения и массовую эмиграцию, запятнала кровью политическую историю этой страны на целое столетие. Португалия XIX века, казалось, навсегда утратила свою энергию, героизм и творческую силу, благодаря которым во времена Генриха Мореплывателя, дона Мануэла и дона Жуана III она возвысилась до ранга Королевы океанов и овладела существенной частью нового, недавно открытого мира. Можно было бы сказать, что колоссальные усилия, затраченные португальцами в XV–XVI веках, начисто исчерпали жизненную силу и творческий пыл нации. Одни только воспоминания остались о той Португалии первооткрывателей и колонизаторов, о героической, царственной, горделивой, избильной и несущей цивилизацию Португалии Васко де Гамы и д'Албукерки, Жуана III и Камозанса. Битва при Эль-Ксар-эль-Кебуре (1580 г.), в которой погиб последний король Ависской династии, дон Себастьян, стала роковым ударом, от которого Португалия так и не смогла оправиться.

Трагическая гибель дона Себастьяна повлекла за собой утрату независимости. В течение шестидесяти лет Португалией правили испанские короли: поскольку дон Себастьян не оставил наследников, право на престол перешло к его ближайшему родственнику Филиппу II. Реставрация 1640 года, когда герцог Браганса короновался под именем Жуана IV и основал новую династию, уже не могла вернуть Португалии ранг великой державы. Золотой век Пиренейского полуострова подо-

шел к концу. Теперь другие государства жаждали доминировать в Европе и владеть обширными территориями за океаном, которые были открыты в основном португальцами и испанцами. Лишившись права голоса в этой борьбе, Португалия, как и Испания, неумовимо потеряла свою независимость во внешней политике.

Диктатура маркиза де Помбала (1750–1777 гг.) стала началом конца. В попытках модернизировать Португалию Помбал с жестокостью обрушился на традиционные институты, попутно поощряя «просвещение» XVIII века. Будучи вдохновленным последователем теории абсолютизма и просвещенной тирании, он установил божественное право королей, но при этом задался целью уничтожить аристократию. Также он устроил гонения на иезуитов и на католическую церковь; при нем в Португалию проникли антикатолические учения. Кроме того, он содействовал распространению масонства. Его вера в абсолютизм была настолько фанатичной, что он даже мечтал оборвать связи с Ватиканом, лишь бы стать совершенно свободным монархом. По собственной воле или нет, но Помбал положил начало одной из самых жестоких идеологических войн, которые известны современной истории. Диктатура Помбала закончилась со смертью короля дон-Жозе I (1777 г.). Тогда королева донья Мария I попыталась восстановить равновесие между монархией и социальными классами, но было уже слишком поздно — национальное единство раскололось. На полуостров проникла Французская революция с либерально-демократическими идеалами: в особенности их культивировали и распространяли масонские ложи.

Пожалуй, ни в какой другой стране масонство не играло такой значительной роли и не вело такую продолжительную деятельность. Это подтверждается многочисленными документами. «История масонства

в Португалии изначально связана с историей нации», — писал Боржеш Граинья. Масоны замешаны всюду, где имеет место критика либо искоренение традиционных институтов. И, разумеется, множество людей помогали врагу: проникнутые идеалами Французской революции, убежденные в необходимости упразднить монархию и католичество, ослепленные миражами абсолютной свободы и абстрактного индивидуализма, они умышленно или неосознанно участвовали в подрывной деятельности по искоренению традиционных институтов и духовному выхолащиванию нации. Португальские масоны априори выступали за революцию — против традиции, за узурпатора — против законного короля, за иностранцев — против националистов, за Францию либо Англию — против Португалии. Наполеон воспользовался услугами масонов при посредничестве Ланна и Жюно, своих послов в Лиссабоне, чтобы подготовить бескровную оккупацию страны. А когда генерал Жюно, возглавляя французскую армию, прибыл в Лиссабон, его встречало представительство масонской ложи. «Подобный прием, оказанный всей страной, и отсутствие какого-либо сопротивления французским войскам объясняются заслугами португальского масонства», — писал историк-современник Фонсека Беневидеш. Что подтвердил сам Жюно в своем письме Наполеону: “...j'avais reçu dans la journée beaucoup de monde, dont la plupart franc-maçons, m'ont beaucoup servi pour faire-rentre le peuple dans la quietté”³ (30 ноября 1807 г.). Накануне вторжения французских армий внутренняя политика Португалия сводилась к наличию двух партий: английской и французской. Первые требовали вооруженного сопротивления; вторые настаивали на подчинении Наполеону.

---

³ «В течение дня я принял много людей, большинство из которых были масоны — они очень помогли мне умиротворить народ» (фр.)

На этот раз масоны оказали помощь «французской» партии, поскольку присутствие наполеоновских армий в стране было им на руку: ведь его вторжение подрывало престиж монархии. И действительно, король дон Жуан VI был вынужден отплыть со свитой в Рио-де-Жанейро (1807 г.). Но это не значит, что масоны всегда помогали Франции против Англии. Они сотрудничали с ложами тех держав, которые распространяли революционные и демократические идеи, злоумышляя против королевской власти и традиции.

Итак, во время наполеоновских войн политическое сознание Португалии было представлено «английской» и «французской» партиями. Как давно миновали те дни, когда португальские армии проливали свою кровь в непрерывном крестовом походе по Северной Африке, когда они осваивали обширные заокеанские территории! Теперь же настала длительная череда унижений. Речь шла уже не о вмешательстве иностранных держав во внешнюю или внутреннюю политику страны, а попросту о военной оккупации и вассалитете. Жюно и французские генералы стали использовать страну для нужд Империи. Англичане же воспользовались географическим положением Португалии и превратили ее в плацдарм для кампании против Наполеона. В итоге на территории Португалии кормились и сражались две враждующие друг с другом армии. А когда через семь лет армиям Уэлсли и Бересфорда удалось оттеснить захватчиков за Пиренеи, страна так и не получила полной независимости. Бересфорд остался в Португалии вместе с частью британского экспедиционного корпуса. Более того: он получил от Жуана VI, который уже не мог покинуть Рио-де-Жанейро, полное право управлять страной.

Угроза со стороны Франции миновала в 1814 году. «Мы избавились от французской армии, что при-

несла с собой разруху, кровопролитие, страдания, ужасы и извращенные идеи. Мы избавились от армии. Но не от идей», — пишет Алфредо Пимента. И действительно, только теперь стали проявляться результаты присутствия революционных войск на полуострове. В 1817 году, когда король еще находился в Рио-де-Жанейро, был раскрыт заговор бывшего генерала французской армии Гомеша Фрейре де Андраде, который едва говорил по-португальски и «окружил себя исключительно масонами» (Раул Брандан). Один из агитаторов Гомеша сознался, что движение выступало «против короля, против Бересфорда и против государственных служащих». В 1820 году в Порту вспыхнул военный мятеж с требованием заменить назначенное королем правительство и изгнать Бересфорда. Это был первый сигнал бесконечной вереницы мятежей, бунтов, революций, контрреволюций, большинство из которых совершались армией либо против армии. Король Жуан VI был вынужден вернуться на родину в 1821 году после четырнадцатилетнего отсутствия.

В Бразилии он оставил регентом своего старшего сына дона Педру, юнца, который черпал мысли из источников революционной идеологии, мечтал сыграть роль Боливара и навязать либеральные идеи своим подданным. Вскоре после отъезда короля на родину регент дон Педру заявил о независимости Бразилии. 12 октября 1822 года он был провозглашен императором. Первый же приказ, который подписал император Бразилии, возобновил деятельность ложи «Великий Восток». Ведь дон Педру не мог забыть, что, по выражению Марешала, его приход к власти был *entièrement leur ouvrage*⁴ (как пишет Оливейра Лима). Потеря Бразилии стала самым тяжелым ударом в истории португальской колониаль-

---

⁴ «Полностью их рук делом» (фр.)

ной империи. И, по меньшей мере, странно, что этот удар ей нанес сам наследный принц...

Спустя несколько месяцев после мятежа в Порту военный гарнизон Лиссабона примкнул к революции. Хунта сформировала Временное правительство, которое осуществляло власть от имени короля и при этом разрабатывало Конституцию по французскому и испанскому образцу. Незадолго до своего отплытия, уступив настойчивым просьбам наследного принца, Жуан VI присягнул на верность этой Конституции, которая еще была в процессе разработки в Лиссабоне. С этого момента монарх утратил суверенитет, который по закону перешел к представителям нации. Дон Педру и тут сыграл ключевую роль. Убеждая короля пойти на эту уступку, он буквально брался с демонстрантами на площади Росиу в Рио-де-Жанейро, а они шумно приветствовали его как своего трибуна.

По прибытии в Лиссабон Жуану VI пришлось подчиняться указаниям хунты, определявшим в деталях, как будет происходить высадка с корабля (без каких-либо торжеств и демонстраций) и сколько раз прозвучит «Ура!» Конгрессу, Конституции, конституционному монарху и королевской семье. Жуан VI оказался заложником Временного правительства, состоявшего из масонских карьеристов и иллюминатов. По прошествии нескольких месяцев, 1 октября 1822 года, от короля вновь потребовали присягнуть Конституции...

Однако значительная часть населения была против Конституции. В первую очередь, воспротивилось дворянство, остерегаясь политического взлета фигур с сомнительным прошлым (большинство из которых пособничали французской армии). Тем самым дворяне выступали против узурпации, в которой им уже мерещилась гильотина. Далее, против Конституции выступило духовенство и ярые католики, которые опасались

лись религиозных гонений или же чувствовали призвание к «апостольской» миссии — восстановить римско-католическое христианство, павшее жертвой Французской революции.

Так же против конституционного правления выступили и те немногие сознательные португальцы, которые сохранили политическое трезвомыслие и понимали, что вследствие отказа короля от суверенитета страна расколется на два лагеря, либерал-демократов и монархистов. Наконец, огромная масса людей, все еще привязанная к традиционным институтам, оставалась невосприимчивой ко всем новшествам; аморфная и немая, эта португальская масса, которая за семь веков притерпелась к традиционной королевской власти, теперь никак не реагировала на ухищрения и реформы нового правления. Но при этом она не участвовала в них, не разделяла их нетерпимость и вытекавшие из нее изуверства. Было крайне трудно лишить корней эту необъятную народную массу всего за одно поколение. Но любой лидер антиреволюционного движения, любой просветитель, любой герой мог с легкостью добиться ее расположения.

И такие вожди не замедлили появиться. 23 февраля 1823 года, через несколько месяцев после того, как король Жуан VI в очередной раз присягнул на верность Конституции, на севере страны вспыхнуло восстание графа Амаранте. Толпа голосила: «Да здравствует абсолютный король! Долой Конституцию!» Едва движение графа Амаранте утихло, как на выходе из Лиссабона восстал пехотный полк. То же самое пытался устроить гарнизон в Вила-Франке. Второй сын короля, инфант дон Мигел, принял командование войсками, поклявшись «вырвать государя из масонских когтей». Некоторое время дон Жуан VI противился, но в конце концов пообещал установить в стране «новый

порядок». Однако эти посулы не удовлетворили антиреволюционное движение. Итак, 30 апреля 1824 года инфант дон Мигел в качестве предводителя восстания столичных полков предпринял еще одну попытку совершить государственный переворот. В своем манифесте войскам он заявил, что они должны «одержать уверенную победу в начатом деле, навсегда уничтожив чумную свору масонов». В тот же день инфант обратился к португальскому народу с такими словами: «Либо мы погибнем в этой славной битве, либо пресечем на корню одолевающее нас зло, раз и навсегда истребив дьявольскую породу масонов, прежде чем она уничтожит нас».

Но «дьявольская порода масонов», о которой говорил инфант дон Мигел, была сильнее. Дипломатический корпус в Лиссабоне путем «постыдного вмешательства» (Пимента) разъединил короля с войсками донна Мигела. Его изолировали на английском судне и принудили лишиться своего сына звания верховного главнокомандующего армией. «Апрельское восстание» провалилось из-за вмешательства великих держав, и 13 мая инфант дон Мигел отбыл на длительный срок за границу. С отъездом донна Мигела, безусловного вождя традиционной монархической и католической контрреволюции, сопротивление против «нововведений» затухло.

Не менее трудно понять и другой поступок короля Жуана VI. Перед смертью он оставил регентство одной из своих дочерей, донье Изабелле Марии, «поскольку законный наследник и преемник Короны в данном отношении никак себя не проявил». 10 марта 1826 года король умер — весьма подозрительной смертью, в которой ряд современных историков видят руку тайных обществ. Но дело в том, что, отстранив инфанта и оставив столь странное завещание, дон Жуан VI положил начало бедам, которые во многом способст-

вовали упадку Португалии. Фактически его волеизъявление стало причиной гражданской войны. Настоящей эпохой славы дона Жуана VI был бразильский период, когда он в буквальном смысле основал современное государство Бразилию. Вернувшись в метрополию, король стал проявлять слабость и нерешительность. Он присягнул на верность Конституции, хотя не мог удержаться от слез при радостных возгласах толпы в Рио-де-Жанейро. Он безвольно потворствовал интригам своего старшего сына дона Педру, в результате чего Бразилия отпала от родины. Он принимал движение дона Мигела, но так и не набрался мужества встать на его защиту. Возможно, причиной тому была некая темная душевная драма, потому что королева донья Карлота Жоакина была целиком и полностью за дона Мигела, а король, ставший со временем вялым и апатичным, бунтовал против жизненной силы и энергии своей супруги, и поэтому мстил своим отпрыскам...

Истинным престолонаследником, вне всякого сомнения, был дон Мигел. Дон Педру стал императором Бразилии, а законы португальской монархии запрещали иностранному гражданину занимать престол. Более того, дон Педру объявил войну Португалии и совершал враждебные действия по отношению к своей бывшей родине. Далее, согласно заведенным порядкам, государь должен был проживать в Португалии, а дон Педру вот уже девятнадцать лет как находился в Бразилии. К тому же, по многочисленным документам, дон Педру категорически отказался от права первородства.

И при всем при этом регентский совет признал императора Бразилии дона Педру законным королем Португалии, тем самым «открыв ворота гражданской войне» (Пимента). Дон Педру отрекся от престола в пользу своей дочери доньи Марии да Глории, которую он решил выдать замуж за своего брата дона Ми-

гела. Намерение было абсурдным, и его никто не принял всерьез. А вскоре после того как инфант дон Мигел вернулся в страну в качестве регента, народ вынудил его провозгласить себя королем (1828 г.). Его коронация сопровождалась шествиями ярко выраженного антимасонского и ксенофобского характера. «Смерть всем англичанам, разграбившим Португалию! Смерть послу (Лэмбу), пособнику масонов! Да здравствует дон Мигел I!» — гласила зажигательная прокламация. Сразу после вступления дон Мигела на престол страна начала горячо молиться, чтобы защитить «любимого августейшего государя» от «сатанинской порчи масонской секты». Какой-то прорицатель кричал в присутствии короля: «Я вижу, масоны повсюду! Ваше Величество окружено масонами и прямо сейчас разговаривает с одним из них!» Кто-то предлагал в рамках правительственной программы «вышвырнуть масонов со всех постов». Разом вспыхнула вся накопленная за последние годы правления Жуана VI ненависть к масонам, иностранцам, революционерам всех мастей — от конституционалистов и либералов до заговорщиков и республиканцев. Началось «апостольское» правление, как иронично пишет историк-социалист Оливейра Мартинш. Мигелистский мистицизм был вдохновлен возрождением народного католического мистицизма. И поскольку для иберийского католицизма характерны четкие формы выражения, то в них же проявлялся и мигелистский мистицизм: в славословии и гимнах, в идолатрических шествиях, в безграничной преданности молодому королю. Считалось, что он послан стране архангелом Михаилом, дабы спасти католическую веру. Когда дон Мигел появлялся на улице, народ падал на колени, женщины плакали, священники благословляли его. Он был не просто популярным; его обожали и обожествляли. Как будто бы люди подспудно чувство-

вали, что дон Мигел — их последний законный король и что его правление будет трагическим и недолгим.

И в самом деле, спустя годы император Бразилии дон Педру потерял трон и решил вернуться в Европу: свергнуть «узурпатора» и провозгласить королевой свою дочь, донью Марию. Эта дерзкая попытка явно было обречена на провал, поскольку дон Мигел был законным королем и спокойно правил вот уже несколько лет подряд; его обожала подавляющая часть народа. Но дон Педру опирался на группу политических эмигрантов и прежде всего на помощь Англии, которая, разумеется, косо смотрела на католическое и антиконституционное правление дона Мигела. Центр политических эмигрантов находился в Англии. Там собирались все те, кто по убеждениям или из интереса, духа авантюризма, страсти или просто из случайности оказались по другую сторону баррикад — то есть «либералы», конституционалисты и революционеры. Среди них замешалось несколько политиков, сыгравших впоследствии ключевую роль в истории страны: Палмела, Салданья, Терсейра. Настоящие диктаторы от либерализма, они ненавидели друг друга; каждый из них рвался стать единственным предводителем движения.

Палмела, человек благородных кровей, образованный и высокомерный скептик, слишком хорошо понимал малочисленность остальных, а потому не спешил забрать всю власть и в одиночку руководить антимигелистским движением. Салданья был неплохим военным, который подхватил либеральные идеи в Бразилии; он происходил из бедной семьи, отчего у него был некий комплекс неполноценности перед аристократом Палмелой и перед всем его классом. Герцог Терсейра, бездарный, высокомерный и амбициозный тип, собрал на Азорских островах армию численно-

стью около трех тысяч человек, чтобы обеспечить победу революции.

По прибытии дона Педру в Европу началась лихорадочная подготовка к гражданской войне. Помощь ему оказывали Англия и Франция. Под неким предлогом французская эскадра неожиданно вошла в устье Тежу и захватила большую часть португальского флота. Тем самым они лишили дона Мигела возможности предпринять экспедицию против мятежников Терсейры, укрепившихся на Азорских островах. В Англии была собрана импровизированная освободительная армия — ее составляли эмигранты, демобилизованные вояки наполеоновских войн, наемники и авантюристы. Это была разношерстная банда, в основном из англичан. Как указывает Оливейра Мартинш, один из них, эксцентричный фанфарон по имени Дойл, заявлял, что нужно как-то освободить «этих проклятых туземцев» (*those damn'd natives*). Под «туземцами» он подразумевал португальцев, закабаленных доном Мигелом. В Лондоне появились такие объявления: «Торговая и колониальная компания ищет активных и сообразительных мужчин для работы на фермах в Бразилии или где-либо еще». Люди подписывались неизвестно на что, не зная, куда их отправят. Нанимались английские моряки вместе со своими капитанами — все на отличной зарплате и на контрактах. Деньги текли рекой. Английское правительство предоставило дону Педру кредит в 10 000 фунтов стерлингов. И, конечно же, в дело вмешался еврейский банкир Мендисабал. «Банкир, который был к тому же политиком и фанатичным либералом. Однако, будучи настоящим евреем, он умело совмещал энтузиазм с расчетом и не рисковал своим состоянием ради идей», — пишет историк-социалист Оливейра Мартинш.

На английские деньги было куплено несколько судов. 7 июля 1832 года армия дона Педру (примерно 6000 человек) высадилась и заняла город Порту. Северная Португалия, в частности Порту, играла ведущую роль в национальной истории. Здесь начинались все революции: и благополучные, и провальные. Порту был очагом неутихающих восстаний. Так что генералы дона Педру умело выбрали отправную точку. Но вопреки ожиданиям дона Педру и его сторонников, оккупация Порту не спровоцировала революционный мятеж. Ничего не произошло. Во всей стране царил покойствие, а дон Мигел смог организовать свою регулярную армию численностью в 60 000 человек.

Португалия, как никогда, была на его стороне. Повстанцы укрепились в Порту и стали выжидать. Продуктами их снабжала английская эскадра. Один месяц тянулся за другим, а решающая битва все не наступала. Генералы дона Педру были в разладе и друг с другом, и тем более с английскими офицерами. Но еще более бездарными оказались генералы дона Мигела. Они не сумели воспользоваться ни численным превосходством, ни солидарностью всей страны. Среди них царили смятение, зависть и апатия.

Спустя год после начала гражданской войны, 2 июля 1833 года, командир повстанческой эскадры Нэйпир, раздраженный бездействием, вышел из Порту и встретил эскадру дона Мигела у мыса Сан-Висенте. Ему хватило всего пары часов, чтобы напасть на ее, потопить часть флота и захватить оставшиеся суда. Нэйпир был настоящим англичанином, предприимчивым и азартным. За несколько дней до морского сражения часть осажденных в Порту повстанцев ушла на юг страны и оккупировала Алгарве. Последовала серия смелых ударов в удаленных друг от друга точках, что дезорганизовало оборону правительственной армии, и

так разочарованной неумелым ведением войны, безуспешной осадой Порту и раздором среди генералов. 24 июля армия Терсейры вошла в оставленный Лиссабон. Войска дона Мигела постоянно отступали, хотя их численность превосходила армию дона Педру. А при наступлении они допускали серьезные тактические и стратегические ошибки.

В начале октября дон Мигел пытался отбить Лиссабон и потерпел поражение. Он также был разгромлен при Лейрии в январе 1834 года, при Альмостере в феврале, при Виане в марте... Поражения шли одно за другим, хотя народ был на его стороне, хотя его войска были храбры, хотя почти никто его не предал и не оставил. Но из-за множества ошибок и постоянных неудач, из-за того, что во Франции и Испании набрали силу либеральные движения, помогавшие дону Педру, дон Мигел проиграл ему почти всю страну. Редко бывают такие кампании, в которых несчастье неотрывно преследует одну из сторон. Но португальцы отнюдь не радовались дону Педру. Где бы ни проходила «освободительная» армия, всюду полыхали подожженные монастыри, всюду страдало духовенство.

Дон Мигел капитулировал 26 мая 1834 года в Эворе-Монте вместе с остатками своих войск в несколько тысяч человек. Обратившись к армии, король объяснил, почему он фактически вынужден положить конец братоубийственной войне, которая тянулась почти два года. В условиях капитуляции также упоминалось право «мигелистов» вернуться по домам невредимыми. Однако эта деталь возмутила группу революционеров в Лиссабоне. И когда вечером 27 мая дон Педру находился в театре Сан-Карлуш, в королевской ложе (наконец-то он получил ее по праву победителя!), там собрались негодующие демонстранты. Раздавались возгласы: «Смерть узурпатору! Долой тирана, прикры-

вающего узурпатора!». Под тираном они имели в виду дона Педру, а под узурпатором — его брата дона Мигела. Побледнев, дон Педру встал и выкрикнул в ответ: «Вон, негодяи!» Но бунт неотвратимо нарастал, и публика принялась атаковать королевскую ложу. На помощь были призваны солдаты. Гневные чувства дорого обошлись дону Педру: от сильного кашля у него началось кровохарканье. В итоге ему пришлось бежать из театра вместе с супругой и дочерью через служебный ход, под градом камней, спасаясь от погони демонстрантов. 24 сентября он скончался, и никто по нему не скорбел.

Заправляя в Лиссабоне, дон Педру воплотил в жизнь свои либерально-демократические принципы. Он выгнал иезуитов и апостольского нунция, оборвал связи со Святым Престолом. Еврей Мендисабал стал диктатором и фактотумом: он назначал и менял министров, создавал законы, брал кредиты от лица государства. После смерти дона Педру по всей стране начались организованные массовые убийства «мигелистов». Людей ежедневно убивали сотнями, а их дома беспрепятственно сжигали. Сражавшийся в рядах антимигелистов либерал по имени Маркеш Гомеш пишет: «Как бы печально это ни звучало, но правда такова: победители не проявили к побежденным никакого великодушия. Многие из тех, кто сдались при Эворе-Монте и на основании указа об амнистии от 27 мая вернулись домой, были варварски убиты во имя свободы... Меры правительства по пресечению подобных эксцессов не имели результата; к несчастью, убийства продолжались еще долгое время». По статистике Францини, за один год либерально-демократического режима было совершено 3550 убийств и 4900 грабежей. Пассош Мануэл, занимавший пост министра, в 1836 году заявил перед Палатой следующее: «По данным вла-

стей всей страны установлено, что на сегодняшний день всего совершено 16 000 убийств и разграблено более 7000 домов». И добавил, что «это неполные данные». А социалист Оливейра Мартинш писал в журнале *Portugal Contemporâneo*: «Мигелисты были жертвами, разбитыми врагами. За ними охотились, как охотятся на волков, и любое их правонарушение, любое преступление каралось смертью без суда. Победители, мнившие себя носителями абсолютного суверенитета, заплатили им во сто крат больше, чем они заслуживали».

Гражданская война не закончилась капитуляцией при Эворе-Монте. Она продолжалась еще долгие годы. Португалия никак не могла оправиться; слабая и раздробленная, она представляла из себя легкую добычу для тайных обществ. Разгром дона Мигела означал не только упразднение законной монархии, но и, в особенности, ориентацию португальской политики на антитрадиционный курс, в чем масонство сыграло ведущую роль. Донья Мария II правила довольно долго, с 1834 по 1853 год, хотя и умерла молодой (она родилась в 1819-м, и в 1853-м ей было всего тридцать четыре года). При ней во главе правительства поочередно вставали распространители либерализма: Палмела, Салданья, Терсейра, Кошта Кабрал. Но восстания и мятежи все продолжались. Были такие революционные движения, чьи причины и мотивы не всегда легко расшифровать. Например, целью т. н. «Сентябрьской революции» было заменить Конституционную хартию 1826 года на Конституцию 1828 года. Мятеж под названием «Белензада» был устроен с целью привести к власти виконта Са да Бандейру. У «революции маршалов» была та же цель и тот же результат. «Революция Марии да Фонте», начавшаяся в деревне на севере страны и докатившаяся до Лиссабона, получила свое название по имени некоей крестьянки. Сложно сказать,

была то фигура реальная или выдуманная, однако она вдохновила людей на религиозный и традиционалистский бунт. Вот-вот должна была разразиться новая гражданская война, и, чтобы избежать ее, королева призвала вмешаться Англию, Испанию и Францию. В игру снова вступили иностранные войска и английская эскадра. Конвенция Грамидо (29 июня 1847 г.) примирила враждующие стороны. Но в 1851 году вспыхнул новый мятеж, на этот раз под предводительством Салданьи.

Все эти восстания, мятежи и перевороты преследовали своей целью либо заменить Конституцию, либо внести в нее какие-то правки, либо вовсе ее упразднить. Конституция, принятая Жуаном VI, оставалась яблоком раздора. Одни хотели вернуть ей первоначальный вид, другие — версию 1828 года; одни требовали внести в нее новые статьи (по версии 1832 года), а другие — вообще ее отменить. Надо сказать, что текст португальской Конституции выдержал множество правок. Каждое новое революционное правительство, каждое восстание, каждый государственный переворот влекли за собой изменение Конституции. В 1852 году некоторые политики требовали внести в нее поправки, «дабы привнести мир в португальскую семью». Историк Алфредо Пимента комментирует это следующим образом: «Вплоть до 1820 года ни разу не возникало надобности в том, чтобы примирить португальскую семью. Но начиная с этой даты и по сегодняшний день (1934 г.) политики хлопочут об умиротворении португальского народа. Как возникло это непонимание? Как из одной нации сделали две нации, которые с течением времени раздробились настолько, что сегодня трудно сказать, сколько португальских наций проживает в пределах нашего государства?»

Дело в том, что значительное число людей, опьяненных Просвещением XVIII века, Французской революцией, масонством или либерализмом Гизо, всем сердцем желали превратить Португалию в европейскую республику или, в худшем случае, в ультрадемократическую монархию. Искренне или нет, но эти люди верили, что жить достойной жизнью можно только в европеизированной стране, что Португалия должна обрести духовный источник в Париже или Лондоне, а не в своей славной многовековой традиции. Эти люди пребывали в постоянной суете, поскольку непрерывно силились сравняться с Парижем; в безустанной борьбе, потому что им приходилось обороняться от реакционеров из других социальных классов; в неизменном несогласии, потому что они поголовно соперничали в радикализме и превосходили друг друга в демагогии. Но все они жили в лихорадке перемен, которых требовалось добиться любой ценой. Этим объясняются и частые свержения правительств. Чтобы продержаться у власти четыре года и действительно сделать что-то полезное, Коште Кабралу пришлось установить диктатуру. И это примечательно, что либерализму для выживания пришлось трансформироваться в диктатуру...

После смерти доньи Марии II престол занял дон Педру V, на срок правления всего в восемь лет (1853–1861 гг.). Он оказался робким, меланхоличным и неудачным правителем. Португальский историк отмечает, что он во многом был похож на Людовика II Баварского, если не считать сумасшествия последнего. Молодой король дружил с писателем-романтиком и историком Алешандре Эркулану, самым достойным и честным человеком из португальских либеральных кругов. Как и Алешандре Эркулану, дон Педру V был интеллектуалом, понимавшим историю через диалектику либерально-демократического профетизма. В его

глазах история сводилась к воспетому Виктором Гюго конфликту между жаждущим свободы «народом» и «тиранией» реакционеров (иезуитов, монархов, аристократов). Эркулану играл значительную роль в политике. Но в дальнейшем он неожиданно отошел от политической жизни, полностью оставил свои научные изыскания, забросил написание начатой им истории Португалии и удалился в одиночестве на ферму. С тех пор он больше не брал в руки перо и занимался исключительно сельским хозяйством в течение десяти лет, вплоть до самой смерти. Полнейшее возвращение Эркулану к земле очень впечатляет и о многом говорит. Это не только отвращение честного человека к мерзостям общественной жизни, но, в первую очередь, печальное пробуждение от фальшивых грез его политических теорий. По всей вероятности, Эркулану понимал, что история Португалии, как и всякой живой и творческой нации, представляет собой нечто иное, нежели конфликт абстракций; что жизнь и величие наций коренятся не в «Общественном договоре» Руссо и кантовской морали. Как бы там ни было, уединение этого великого историка и политика изобилует скрытыми смыслами. Он провел остаток своей жизни на ферме, занимаясь целительным и плодотворным трудом, в попытках заново обрести архаичную форму национального сообщества и стать его частью.

Недолгое правление дона Педру V было полно всяческих бед: холера и желтая лихорадка унесли с собой десятки тысяч жизней; в устье Тежу вошли французские военные корабли, вслед за чем последовал ультиматум Наполеона III, в очередной раз униживший достоинство Португалии; масоны и якобинцы развязали чуть ли не гражданскую войну вокруг монашеского ордена Сестер Милосердия, которых правительству в итоге пришлось выгнать из страны. Наконец, в 1861

году, когда монарх совершал путешествие по стране в сопровождении своих братьев, один из них, дон Фернанду, умер от брюшного тифа. Сам король умер следом через несколько дней, а через месяц жертвой той же болезни стал его второй брат, дон Жуан. Королева донья Стефания Гогенцоллерн-Зигмаринген, на которой он женился в 1858 году, умерла через год после свадьбы, не оставив наследников.

Черета бед, постигшая молодого дона Педру и увенчавшаяся его гибелью, создала вокруг него ореол мистической народной любви. Его называли «наилюбимейшим королем», а после его смерти народ охватила слепая ненависть ко всем советчикам и новаторам. Их обвинили в том, что они навлекли на страну Божью кару. «Народ сыплет обвинениями без какой-либо логики и разума. Что это, боль утраты? Несомненно. Но в первую очередь это протест национального подсознания против пагубного режима, при котором даже правители умирают молодыми, зараженные скверной» (Жуан Амеал). А другой великий историк, социалист Оливейра Мартинш, так комментирует людские слухи о том, что король умер, отравленный политиками: «Они отравили короля! Они изничтожили все! Они разграбили, распродали, распилили на части народ, королевство, богатства страны — а плодами их преступлений были наши беды... Вопль о смерти короля-мученика неожиданно стал всеобщим приговором!»

Трон перешел к брату короля, дону Луишу, который вернулся из своего путешествия по Франции. Дон Луиш правил очень долго (1861–1889 гг.), и за это время под видом стабильного либерально-демократического режима происходило разложение португальского общества. Дон Луиш был творчески одаренным королем: он играл на скрипке и переводил Шекспира. «Это почти все, что позволялось ему Конституцией», —

с горечью отмечает историк. При нем все так же продолжались бунты и формировались подрывные движения. Понять причину этих движений всегда крайне сложно. Люди протестовали против текущего положения дел, иногда — под нелепыми предложениями. Все говорило о том, что равновесие иллюзорно. Правительства менялись, как в калейдоскопе. Одни и те же фигуры то появлялись на сцене, то исчезали. *Plus ça change, plus c'est la même chose*⁵. На вид правительственные партии после бесконечных расколов, разногласий и преходящих коалиций перегруппировались в две крупные партии: правая — регенераторы (возродители), левая — прогрессисты. На деле их единство было ненадежным и рушилось при любом кризисе. Со временем они фактически потеряли связь с народными массами. Чтобы как-то выжить, монархисты и конституционалисты заключили соглашение с республиканцами. На текущий момент под руководством дона Луиша были две партии, работавшие в порядке ротации. Сам король был равнодушен, апатичен и больше предавался мечтаньям. При его попустительстве в 1876 году возникла республиканская партия, которая стала в открытую всеми средствами бороться против монархии. При его потворстве возник «Великий Восток Португалии» и расплодилось масонские ложи. Почти все крупные политики, все правящие президенты, все министры были масонами. В 1880 году, когда отмечалось трехсотлетие со дня смерти национального поэта Камозенса, праздничное шествие превратилось в масонский парад. Дон Луиш верил в свободу, равенство, братство. То ли у него не было политического гения, то ли недоставало смелости как-то реагировать, то ли он сам был убежден в правильности масонских и революционных идей и

---

⁵ Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются такими же (фр.) (французская поговорка).

необходимости радикально преобразовать Португалию... Несомненно одно: под его долгим и вроде бы спокойным правлением силы хаоса проявили себя в полной мере. В течение этого двадцативосьмилетнего периода португальское общество систематически подвергалось атакам, бившим по самому сокровенному. Связи с прошлым были практически полностью оборваны. Португалия была не только на пороге окончательной катастрофы: ее некогда созидательный и самостоятельный народ находился в процессе исчезновения. Еще два-три поколения без реакции в подобном духовном климате, и она перестала бы существовать как независимая нация, безотчетно превратившись в гибридную «франко-европейскую» провинцию...